

Южнорусское пограничье в 1640-х - 1650-х гг.

Автор: Д. А. Ляпин

Ляпин Денис Александрович - кандидат исторических наук, доцент Елецкого государственного университета им. И. А. Бунина.

Присоединению территории современного Центрального Черноземья к Московскому царству предшествовала в XVI в. колонизация лесостепных и степных пространств, лежащих южнее Оки, сопровождавшаяся борьбой с крымскими и ногайскими татарами. Несмотря на то, что Смутное время обернулось для России тяжелым экономическим и социальным кризисом, города и уезды, возникшие на степных рубежах в конце XVI в., были сохранены. В 1620-е годы московское правительство не предпринимало серьезных попыток продвижения в степь, но было ясно, что этот обширный и плодородный край будет интересовать Москву. В этих условиях в 1630-е годы здесь развернулась "большая война", в ходе которой татары произвели ряд наступательных действий с целью ослабить позиции России.

Перед Москвой стала задача: предпринимать ли ответные наступательные меры или остановить русскую колонизацию Центрально-Черноземного региона, оставив здесь только несколько военных крепостей. Русское правительство решилось на ответные меры, и в 1640-е годы развернулась колонизация южнорусского пограничья, закончившаяся полным присоединением этих земель к России.

Таким образом, важнейшим этапом русской колонизации территории Центрального Черноземья стали 1640-е - 1650-е годы: шло строительство городов-крепостей, острогов, оборонительных линий, массовое переселение русского и украинского населения, хозяйственное освоение земель, формирование административных единиц - уездов. Одновременно главным условием колонизации оставалась непрерывная война с татарами, всячески препятствовавшими продвижению русских в степь.

Колонизация южнорусского пограничья сопровождалась внутренней социально-политической борьбой, происходившей в новых городах. В нее были втянуты воеводы, местная знать, служилые люди, а также украинское население ("черкасы"). Эта борьба наглядно иллюстрирует особенности политического устройства допетровской России, политическую культуру и сознание местного населения.

стр. 53

Некоторые стороны хозяйственного освоения Центрального Черноземья были затронуты в исследованиях И. Н. Миклашевского и Д. И. Багалея¹. Истории народных волнений в этом регионе касались Н. Н. Фирсов, С. И. Тхоржевский, Г. А. Новицкий, М. Н. Тихомиров, К. В. Базилевич, П. П. Смирнов². К рассматриваемой проблеме имеет отношение также монография В. П. Загоровского³. Первое крупное исследование волнений на Юге принадлежит Е. В. Чистяковой⁴.

Советские историки отмечали классовые противоречия, возникавшие в процессе колонизации, стремясь показать бегство крестьян и холопов на Юг в качестве основного фактора колонизации и обострившейся здесь в XVII в. социально-политической борьбы.

Взаимодействие власти и общества на Юге России в плане борьбы с уголовной преступностью

прослежено в книге В. Н. Глазьева⁵. Деятельности воеводы Р. Ф. Боборыкина посвящена работа Ю. А. Мизиса⁶.

Народные волнения в России в середине XVII в. рассматриваются в статье В. Кивельсон. Она пришла к выводу, что важнейшей причиной волнений был конфликт различных политических культур правящей элиты и местного общества⁷. В книге Б. Дэвиса "Государственная власть и общество в России раннего нового времени. Ситуация в Козлове в 1635 - 1649 гг."⁸ предпринята попытка показать особенности взаимодействия власти и общества в допетровской России на примере изучения процессов колонизации Юга по материалам города Козлова. Исследование Дэвиса представляет интерес как своим фактическим материалом, так и выводами, сходными с мнением Кивельсон.

Процесс колонизации степного пограничья породил большое количество разнородных документов, прежде всего в виде переписки воевод с Разрядным приказом. В материалах Белгородского стола сохранились также расспросные речи и сыскные дела, челобитные в Москву.

Наиболее крупные волнения на Юге России произошли в Ельце, Воронеже, Курске и Козлове. События, происшедшие в этих городах, нельзя считать "городскими восстаниями", хотя этот устаревший термин все еще употребляется. Народные волнения были вызваны социально-политической борьбой внутри провинциального общества, а также являлись откликом на борьбу в верхах государства. Восстание как социально-политическое явление представляет угрозу для верховной, высшей власти. Очевидно, что никто из участников волнений середины XVII в. не собирался отобрать власть у царя Алексея Михайловича или поставить на его место другого правителя.

Народные волнения середины XVII в. имели местную специфику, характерную для большинства явлений экономического, социального и политического плана в столь обширном государстве. Ниже мы рассмотрим социально-политическую борьбу в южнорусских уездах страны, которая проходила в контексте колонизации территории современного Центрального Черноземья. Речь идет о ее малоизвестных, но показательных эпизодах, когда народные волнения были тесно связаны с колонизацией степных пространств.

В 1640-е годы было развернуто строительство городов-крепостей на Юге, постепенно превращавшихся в единую линию. В 1645 г. была построена Усмань, защитившая Елецкий и, отчасти, Лебедянский уезды, в 1646 г. - Орлов, в 1647 г. - Коротояк, в 1648 - Урыв. Для обороны переправ через реку Воронеж были построены города Сокольск и Добрый. Таким образом, Ногайская дорога и ее ответвления были закрыты от татарских ударов. Затем началось укрепление рубежей в районе Кальмиусского шляха. Здесь были построены Ольшанск (1644 г.), Верхососенск и Новый Оскол (1647 г.). На Муравском шляхе возвели сразу семь новых городов: Вольный и Хотомышск (1640 г.), Лосицкий (1642 г.), Карпов (1644 г.), Валки (1646 г.), Болховой (1648 г.) и

Обоянь (1649 г.). Между городами возводились валы, надолбы, острожки и другие укрепления. В 1650 г. от Белгорода до реки Дон тянулась полностью замкнутая защитная черта, каких никогда еще не строили в России. Общая численность населения в новых городах составляла примерно 10 тыс. человек⁹.

Колонизация степи тяжелым бременем ложилось на плечи служилых людей¹⁰. Переселение проходило по царскому указу, в котором заранее устанавливалось, сколько человек из каких

чинов следует отправить в новую крепость. Воевода собирал детей боярских, а также стрелецких и казачьих голов и давал приказ выбрать людей для переселения "на вечное житие". После отбора переселенцев назначались поручители, которые ехали в Москву. В столице им давали жалование (обычно по 5 руб. на человека) и оружие (как правило, карабины) для каждого переселяемого. Переезд они совершали каждый самостоятельно после выдачи денег и оружия.

Служилый человек ехал на новое местожительство один, без семьи. Чаще переселение проходило летом. Приехав, переселенцы поступали под начало местного воеводы и начинали строить новую крепость со всеми укреплениями, а затем и свои дворы. После этого они возвращались за имуществом и семьями. Свои дворы переселенцы бросали, убрав хлеб осенью. Некоторые в спешке прятали хлеб и имущество и возвращались за ними уже потом.

В новые крепости набирали почти всех желающих. В указе, присланном в крепость Чернаву, сказано: "Велено прибирать в стрелецкую и казацкую службу тутошних людей кто похочет: от отцов - дети, от братьев - братья, от дядь - племянники и соседи и подсоседники и всякие вольные люди". Но не все переселенцы уезжали из своего города навсегда, некоторые возвращались. Число вернувшихся переселенцев в 1640-е - 1650-е годы составляло в среднем 20 - 30%. Это были люди, не сумевшие прочно устроиться на новом месте и сильно обедневшие. Они продавали свое имущество, брали деньги в долг, оставались без лошадей и оружия. Теряя свою боеспособность, они "били челом" государю о возвращении. Из города Коротояк, например, вернулись назад чернавцы (47 человек) "за одиночеством и от бедности".

Переселение в новые города сопровождалось усилением патрульной службы. Нужно было строго следить, чтобы переселенцы не попали в татарский плен. Воеводы городов готовили "вожей", как называли проводников и разведчиков, сопровождавших военные отряды. В 1630 г. в Елец пришла грамота с распоряжением выделить пятерых елецких казаков в вожи, "чтоб они всякие степные места знали и полевое дело им за обычай". Выбранным для этого казакам надлежало ехать в Воронеж, куда должен был подойти из Астрахани царский воевода Иван Кондырев "с ратными людьми". Ельчанам было выплачено жалование в 10 рублей¹¹.

Новые города нужно было снабжать хлебом, который там не было возможности выращивать из-за постоянной войны с татарами. Хлеб доставляли на самодельных стругах по рекам из городов Верхнего Дона и Оки. Там для этого пахали государственную десятинную пашню. В 1639 г. она составила 100 десятин ржи и столько же овса. Собранный под надзором воеводы хлеб везли на государево гумно, часть хлеба после обмолота хранилась в амбарах, часть предназначалась на семена. Рожь делили на три части в зависимости от качества¹². К молотье казенного хлеба в массовом порядке привлекали всех жителей уезда: крестьян и помещиков, посадских и мелких служилых людей "не мешкая".

Другой повинностью было сопровождение переселенцев в новые крепости и города. К этой службе привлекали дворян, которые должны были охранять ехавших через степь. Дорога туда и обратно могла занять около двух недель.

Таким образом, на местное общество ложилось немало обязанностей, вызванных процессом колонизации степных пространств Черноземья. Это нередко создавало почву для конфликтов и противоречий.

В 1647 - 1648 гг. воеводой в городе Ливны был Ф. А. Лодыженский. Его деятельность с первого дня воеводства встречала "непослушание" со стороны ливенцев. В итоге воевода был вынужден

написать в Москву жалобу на местных жителей¹³. В ней он сетовал на то, что ему трудно исполнять свои обязанности, и подробно перечислял, как именно ливенцы уклонялись от исполнения его приказов. Например, не выезжали на патрульную и сторожевую службы, ссылаясь на занятость. Многие, отправившись по распоряжению Лодыженского "на посылки и на вести", уезжали с дороги по своим делам или вовсе отказывались ехать. По указу из Москвы воевода должен был выбрать 33 "лучших" помещика и, разбив их на две группы, посылать в степь для патрулирования и дежурства. Но ливенцы никуда не хотели ехать и воеводе прямо "в том отказали". Правда, они в свою очередь написали челобитную, в которой жаловались на то, что находятся в бедственном положении и не имеют возможности служить. В конце своей челобитной Лодыженский предупреждал, что опасается от этого "непослушания" больших бед со стороны крымских татар, и просил помощи, чтобы ему от этого "не быть у государя в опале".

Сохранились и другие отписки воеводы в Москву, где он жаловался также на неуважительное отношение к нему ливенцев, "на бесчестие и невежественные слова" с их стороны. Действительно, авторитет Лодыженского был невысок, а в результате неудачного местнического спора он даже оказался в ливенской тюрьме¹⁴.

3 сентября 1648 г. в ливенскую воеводскую избу пришел сын боярский Прокофий Руднев, который обругал воеводу и заявил, что "ныне власть ваша закончилась!"¹⁵. Вероятно, Руднев имел в виду отставку правительства Б. И. Морозова в Москве, считая Лодыженского близким к нему человеком.

Воевода велел арестовать Руднева, но тот вышел на улицу и стал кричать: "Суда ливенцы не дайте!" Ливенцы, собравшиеся на улице, за Руднева заступаться не стали. Однако сразу после этого к воеводе пришел товарищ Руднева, сын боярский Сидор Зубцов. Он "с большим невежеством" стал заступаться за арестованного и даже грозил воеводе расправой при многих свидетелях, за что был посажен в тюрьму. Воевода всерьез испугался, "чтоб лихачеств и какое дурно не учинилось".

О случившихся событиях Лодыженский подробно отписал в Москву. В столице к сообщениям о событиях в Ливнах отнеслись с большой настороженностью. Воеводе было велено разузнать обстановку в городе и настроения среди местного населения. Лодыженский должен был выяснить: "Сам ли он (Руднев. - Д. Л.) себе приходил или прислали ливенцы городом". Вскоре выяснилось, что население Ливен относится к власти лояльно и не поддерживает Руднева и Зубцова¹⁶. После следственного дела оба были биты кнутом и отпущены.

Такова предыстория волнений, вскоре случившихся в Ливнах¹⁷. В январе 1649 г. по государеву указу ливенцы выбирали девять целовальников от всего города и уезда для работы в таможенной и кабацкой избе, а также дьяка, знающего грамоту. Выборы проходили с участием старост от посадских людей, пятидесятников и десятников от служилых, а также представителей местных помещиков, позиция которых в любых общественных делах была решающей. Ливенцы выбрали в целовальники "обышных" людей, видимо, мало пригодных к этому делу. В дьячки выбрали казака Антона Половина, который "сидел у стрелецкого головы для письма".

Итогами выборов Лодыженский был возмущен и отказался принять их результаты. Дети боярские настаивали на этих кандидатах, видимо, указывая

на то, что воевода должен по традиции принять выборных лиц. Выбор же в дьяки Половина они объясняли тем, что тот знал грамоту; по их мнению, то, что он был занят работой писца у

стрелецкого головы - дело второстепенное, так как его туда никто не выбирал, а назначил сам воевода. Возник принципиальный конфликт из-за спора о пределах власти воеводы в отношении местного общества, стороны упорно не желали уступать друг другу. Воевода ссылался на свою власть и полномочия, данные ему государем, а дети боярские указывали на традиционное право выбирать лиц для работы в кабаке и таможене.

В своей жалобе в Москву Лодыженский изображал происшедшее в самых мрачных тонах, указывая на то, что дети боярские явились к нему "скопом, с большим шумом и невежеством", и выбирать вообще кого-либо на работу в кабак и на таможеню отказались, не слушая царского указа. В итоге было назначено следствие.

Проведение следствия было поручено окольничему князю Дмитрию Петровичу Львову, который являлся воеводой соседнего с Ливнями Ельца. Он отправил сыщиком в Ливны Е. К. Галенецкого, задача которого состояла в опросе ливенцев и поиске детей боярских, которые приходили к воеводе с "невежеством".

Все ливенцы заявляли, что ничего о происшествии не знают, ничего не слышали и ничего не видели. Только полковые казаки с недоумением заявили, что дети боярские выбрали дьяка - Антона Половина, и обвинения их в ослушании государева указа безосновательны. В этом недоумении, которое было отмечено в отчете для Москвы, виден прямой намек на то, что ливенцы действовали правильно, выбирая грамотного человека в дьяки. Казаки также указывали на то, что дети боярские написали по этому поводу специальную "заручную" челобитную государю и "с шумом к воеводе не приходили". В целом, из всего сказанного очевидно, что население Ливен было едино в оппозиции воеводе.

Давая свои показания, дети боярские, естественно, толковали все совершенно в ином ключе. Они формально были правы, выбирая на должности нужных, по их мнению, людей. Воеводе ливенцы обвиняли в злоупотреблениях самого различного рода. Но не это настораживало князя Львова, а то, насколько едины были жители города и уезда в своем недовольстве воеводой. Дело закончилось тем, что Лодыженский покинул Ливны. Формальной причиной этого послужило скорое окончание срока службы в городе. Но на деле спешная замена воеводы в Ливнах была следствием того единодушия, с которым горожане выступили против Лодыженского.

Волнения в Ливнах раскрывают характер социально-политической борьбы в русском обществе. Местное общество считало, что их традиционное право заключается в свободном выборе людей на мелкие должности местного управления - без вмешательства со стороны воеводы, на которого они имеют право жаловаться напрямую царю.

События близкие по смыслу произошли в городе Лебедяни, который появился на Дону около 1613 года. Важнейшую роль в жизни крепости играло соседство с вотчинами бояр Романовых. Романовы были первыми колонизаторами в этом крае. Они имели здесь земли еще во второй половине XVI века. Лебедянь служила защитой для их владений. Романовы оказывали покровительство Лебедяни, на их деньги жители города покупали струги для доставки хлеба, деньгами Никиты Ивановича Романова служилые люди получали жалование. Может быть поэтому в 1630-х - 1640-х годах обстановка здесь была более спокойной, чем в других городах. Однако в конце 1640-х годов и в Лебедяни произошел ряд столкновений местного общества с воеводой, Прокофием Коптевым.

уездах, в Воронеж, на степную границу. С этой обязанностью было тесно связано струговое дело. Все жители города должны были за свой счет делать струги, нанимать плотников, заниматься погрузкой хлеба, изготавливать для него рогожные мешки, сопровождать струги до места назначения¹⁸.

В 1648 - 1650 гг. воевода столкнулся с довольно сплоченным противодействием местного общества. Например, когда в городе умер подьячий Иван Семенов, воевода никак не мог найти ему замену. Дворянин Федор Мальцов, постоянно живший в городе и знавший грамоту, был записан в губные старосты и отказался помогать воеводе. В результате Коптеву не мог никого найти на должность подьячего, и делопроизводство в Лебедяни остановилось, "государевым делам началось мотчание большое". Жители города отказывались помогать воеводе. Вскоре Коптеву узнал, что сын боярский Л. А. Алехин, знающий грамоту, постоянно живет в городе, что он при этом "человек добрый и не бражник". Но Алехин отказался исполнять обязанности писаря. Раздосадованный упорством лебедянцев Коптеву послал в Москву челобитную с просьбой специальным указом обязать Алехина работать в съезжей избе и исполнять обязанности подьячего¹⁹.

Сохранившиеся документы позволяют восстановить следующую картину происходивших в Лебедяни событий²⁰. В 1648 г. лебедянкам было поручено доставить в Воронеж хлеб для дальнейшей пересылки донским казакам. Для это воевода Коптеву должен был организовать постройку 30 стругов.

В качестве помощи из вотчины Никиты Ивановича Романова лебедянкам были присланы три струга с гребцами и 42 рубля. Однако воевода присланные деньги забрал себе, а лебедянкам рекомендовал просить государя о выдаче 50 рублей "харчевых денег". Это вызвало возмущение жителей города. Однако они всем миром построили струги, а расходы на строительство поделили между собой.

Местные же кузнецы, узнав о предписании строить струги, резко повысили цены на гвозди и скобы, в итоге покупать их пришлось "дорогою ценою: пуд по полполтины, а иные покупали и по 10 алтын". При этом на 27 стругов пришлось потратить 60 пудов железа. Кроме того, дорого обошлись и гвозди, часть которых, правда, была прислана из вотчин Романовых. Большого труда стоило жителям Лебедяни "выволакивать" струги на Дон. Когда дело было сделано, лебедянцы собрали со всех жителей 50 руб. "харчевых" гребцам, поскольку из Москвы не было прислано жалование.

Ответственным за отправку стругов был назначен местный житель Богдан Овсянников. Он и раньше водил струги в Воронеж и был хорошо знаком с этим ремеслом. Овсянников набрал себе команду: стрельца Романа Пронина и казака Изота Лузгина. В понедельник на пасхальной неделе они отправились, "не мешкая", в Воронеж. Однако прошло около месяца, а Овсянников в Лебедянь не вернулся. Жители стали подозревать его в сговоре с воеводой Коптевым и считали, что они присвоили себе деньги - 50 руб. и нажились на государевом деле. Обстановка в городе стала накаляться, в Москву отправилась группа челобитчиков "от всего города". Они жаловались на Овсянникова и Коптеву и требовали очной ставки с Овсянниковым, которого, однако, никак не могли разыскать.

В Москве не знали, что предпринять. Наконец в Разрядный приказ поступила челобитная Богдана Овсянникова, разъясняющая суть дела. Перед отплытием в Воронеж воевода Коптеву дал ему задание: сделать остановку на пристани в Елецком уезде у села Нижнее Казачье и загрузить собранные там сухари, которые тоже надлежало отправить в Воронеж. Когда Овсянников подплыл к этой пристани, то убедился, что там никого нет. Лебедянцы ждали погрузки

сухарей двое суток. В это время вода в Дону начала цвести и струги сильно испортились. Овсянников спешно отправился дальше. Наконец лебедянцы прибыли в Воронеж. Овсянников подал местному воеводе Василию Грязному отписку о привезенных запасах. Но воевода, осмотрев струги, отказался принять их, заявив, что они "худы". Самого Овсянникова Грязной велел арестовать и бросить в тюрьму.

Узники тюрем в XVII в. должны были сами заботиться о себе, поэтому, просидев две недели в тюрьме, Овсянников потратил 50 руб. на собственное пропитание. Он подал челобитную, в которой просил освободить его из тюрьмы и вернуть ему потраченные деньги. В качестве свидетелей он указывал на сокольских драгун, находившихся в Воронеже. В доказательство того, что он не присваивал себе мирских денег, Овсянников прислал также роспись посланников с Лебедяни в Воронеж со стругами, где часто фигурировало его имя. Тем самым он доказывал, что много раз возил струги в Воронеж, но никогда не был замечен в воровстве денег.

После первой челобитной Овсянников написал еще одну, в которой вновь объяснял ситуацию и просил вместо очной ставки принять его челобитную. Когда все обстоятельства выяснились, конфликт был исчерпан.

Волнения в Лебедяни хоть и не вылились в открытый протест и столкновения с воеводой, все же представляют интерес в качестве показательного примера. Прежде всего, мы видим, как нелегко приходилось Лебедянскому обществу исполнять многочисленные службы, и особенно струговое дело. Однако местное общество, более сплоченное, чем в других уездах, совместными усилиями справлялось со своими повинностями. Интересно также понять взаимоотношения при этом воеводы и населения. Воевода выступал как "радатель о государевом деле", однако за его действиями пристально следило местное общество, контролируя местную власть, хотя эта функция юридически не была зафиксирована.

Свою роль в колонизации южных рубежей играли "черкасы", как называли тогда выходцев из Украины. Многочисленные дела, связанные с конфликтами между русскими и "черкасами", заслуживают отдельного исследования. В такого рода конфликтах сказывалась разница в менталитете вольнолюбивых запорожских казаков и привычных к государственной службе русских.

Показательно в этой связи дело об избиении воеводы города Ольшанска Истома Сухитина. 27 июля 1651 г. возле съезжей избы этого города завязался спор между украинцами Леонтием Табачным и кабацким откупщиком Артемием Игнатьевым. Оба пришли к воеводе Сухитину "за правдой". Табачный был типичным казаком огромного роста и силы, который в шумной компании кутил в местном кабаке, но отказывался платить, и ему показалось, что кабацкий откупщик Игнатьев его обманул, взяв лишнюю плату за спиртное.

Возле съезжей избы в тот момент находились ольшанские "черкасы" (30 человек запорожских казаков), караульные стрельцы (5 человек), местные жители. Воевода сам вышел на шум и, видя, что спорщики разгорячились, распорядился арестовать откупщика и посадить в тюрьму, а народу предложил разойтись. Но Табачный не думал униматься, он начал ругаться с воеводой и, наконец, выйдя из себя, подбежал к караульным стрельцам, побил их, затем накинулся на ненавистного откупщика Игнатьева и сильно его избил. Разозленный таким "непослушанием" воевода велел стрельцам "выкинуть его из города вон". Но Табачный решил иначе и, наоборот, захотел выкинуть из города воеводу. Он легко справился со стрельцами, схватил воеводу за ноги и ударил о землю, а затем взял за горло и поволок к городским воротам. Тогда жители

По этому делу был проведен "обыск" согласно нормам Соборного уложения. Нашлись свидетели, на основании показаний которых была восстановлена картина происшедшего. Табачному грозило серьезное наказание, но найти его не удалось²¹.

Украинские переселенцы на Юге не были полностью подконтрольны воеводе. Свой главный долг они видели только в служении русскому царю. Как и донские казаки, они предпочитали селиться в отдельных слободах, селах или деревнях, жить по своим обычаям и нормам. Случай в Ольшанске в этом отношении показателен. Запорожский казак не воспринимал воеводу как полномочного представителя власти, которая в его понимании была представлена атаманами, есаулами, выборными старостами.

Конфликтов между воеводой и служилыми людьми происходило много. Часто они возникали на служебной почве, иногда заканчивались взаимным примирением. В Яблонец местный воевода майор Николай Волин был объектом постоянных жалоб местных драгун. Они обвиняли его в том, что он собирает лишние деньги, посылает служилых людей в лес "по дрова", избивает недовольных батогами. Любопытно, что в ходе разбирательства драгуны и воевода решили помириться. Примирение произошло перед белгородским воеводой князем Борисом Александровичем Репниным.

Нечто похожее случилось в городе Добрый. Город был построен в 1648 году. Добровский уезд образовался на территории владения московского Новоспасского монастыря, а также части Лебедянского уезда. Город состоял из центральной крепости и драгунских слобод, однако драгуны проживали в основном в уезде, в селах и деревнях. В слободах драгуны имели дворы для осадного времени и повседневных нужд.

После завершения строительства города Доброго между драгунами и воеводой Ф. П. Обернибесовым случился конфликт, уникальный в своем роде. После смены воеводы сразу 54 человека написали на него жалобы, обвиняя его в тех или иных преступлениях. Не все жалобы были обоснованными, но все они ярко иллюстрируют жизнь в новом городе²². Жалобы закончились замирением сторон, хотя воеводе пришлось долго отвечать на все челобитные в Разрядном приказе, припоминая свое воеводство.

Воевода Обернибесов и драгуны Доброго долго не могли найти общий язык. Набранные из окрестного населения добринские драгуны не привыкли к дисциплине и порядку. Одна из драгунских слобод оказалась построенной слишком близко к крепости. Воевода, заметив это обстоятельство, велел разрушить дома, прилегавшие к крепостной стене, и обнести крепость валом. Драгуны долго не хотели этого делать, хотя воевода предоставил им места под дворы и огороды в другом месте. Желая получить хорошие места, драгуны делали воеводе подарки ("великий постав").

Обернибесову трудно было выполнять свои обязанности, так как добринцы всегда действовали сообща. Они считали город своим, неизменно называя его в документах "наш город Добрый". Заселив эту территорию еще в начале XVII в., русские люди привыкли к самостоятельной жизни. Они сообща укрепляли свои деревни и села, дружно давали отпор татарам. Часто местные крестьяне почти ни чем не отличались от служилых людей: это были такие же привычные к войне люди.

Показательно, что, обвиняя воеводу в том, что он сажал их в тюрьму и штрафовал за

преступления, драгуны не отрицали факта нарушений, но указывали на то, что привыкли решать свои разногласия сами. Например, драгунов села Колыбельского Дмитрия Уженинова и Герасима Матвеева местный поп Федор обвинил в краже лошадей. Воевода посадил их в тюрьму, где, по их словам, "морил их голодной смертью", и теперь "службы от них не будет".

стр. 60

Драгуны жаловались, что воевода держал их в тюрьме для того, чтобы получить с них по 5 рублей за освобождение. При этом добринцы ссылались на своих товарищей по службе. Обернибесов, отвечая на это обвинение, утверждал, что драгуны были заключены в тюрьму по обвинению в краже, а деньги взимались в качестве штрафа. Об их свидетелях он в сердцах говорил: "Все они друзья-товарищи и хлебояцы, а ссылаться им на друг друга не сложно, а на него бьют челом ложно, а скажут как по Митьке и по Герасимке, а не по правде". Драгуны считали, что сами могли бы разобраться в этом деле, без участия воеводы, теперь же, выплатив штраф и отсидев в тюрьме, они потеряли свою боеспособность.

В другой раз Обернибесову пришла грамота из Москвы, в которой говорилось о том, что в Добром скрывается беглый крестьянин князя Якова Дулова. Воеводе нужно было найти крестьянина, поступившего служить в драгуны, и отослать в Москву. Беглым оказался Иван Никитин, обнаружить которого удалось, вероятно, с помощью присланного от князя человека. Однако Никитин не признавал, что имеет какое-либо отношение к князю Дулову, ссылаясь на своих товарищей-драгун. Драгуны требовали не выдавать Никитина, но, занятые службой, не могли оказать большого влияния. Обернибесов потребовал, чтобы беглый за свой счет поехал в Москву, а когда тот отказался, поставил на правез, вынудив заплатить 8 рублей.

Жалуясь на воеводу, Никитин говорил в Москве: "...А ведомо то всему городу и уезду". Драгуны были возмущены тем, что их товарища заставляют вернуться в положение крестьянина. Воевода же отрицал факт получения денег, указывая на то, что всего лишь отдал Никитина на поруки до выяснения обстоятельств этого дела.

Однажды ночью престарелый драгун Григорий Житинев пас "мирское" стадо лошадей. Вдруг на него напали разбойники и увели двух лошадей в Козловский уезд. Воевода посадил нерадивого сторожа в тюрьму, требуя с него 13 рублей в качестве компенсации. Драгуны же в это время выбрали между себя лучших и в "збратчину" отправились в Козловский уезд бить местных, которых они считали виновными в ограблении. Воеводу они обвиняли в том, что вместо помощи в этом деле он посадил в тюрьму их товарища.

Возмущало драгун и вмешательство воеводы в их личную жизнь. Крестьянин села Калитина, принадлежавшего боярину И. В. Морозову, Савелий Каньшин решил жениться на драгунской вдове Марине, проживавшей в Добром у Афанасия Вищева. Приехав свататься, Каньшин остановился в городе и ходил по ночам к вдове "для блудного дела". Узнав об этом, Обернибесов велел посадить в тюрьму хозяина дома Вищева, а вдову отправил под домашний арест. Это вызвало возмущение некоторых драгун, считавших, что воевода не имеет права вмешиваться в их личные отношения.

Нет необходимости далее продолжать разбор жалоб драгун на воеводу. Важно отметить то обстоятельство, что местное общество Доброго не терпело жесткого подчинения воеводе и не желало согласовывать с ним свои действия.

Интересное дело связано с событиями в городе Усмани в 1650 году²³. Усмани являлась важной пограничной крепостью, она защищала левый берег Верхнего Дона. Местный воевода Е. Челищев, имевший плохую репутацию в местных городах (ранее он был смещен по

коллективному челобитью жителей Волхова), с момента своего прибытия в город в 1649 г. столкнулся с противодействием со стороны усманцев. Тем не менее, пользуясь своей властью в важном пограничном городе, Челищев "чинил многие утеснения, разорения и продажи".

В такой обстановке в городе возникла группа недовольных, во главе которой стали местные подьячие Герасим Камбалов и Любим Матвеев. Матвеев

стр. 61

посетил весной 1650 г. город Ефремов, где узнал о волнениях в Новгороде и Пскове. Народ говорил, что нерадивых воевод люди в городах "побивают до смерти, а иных пытаются и животы их грабят". Эти слухи, конечно, были преувеличенны. Матвеев привез эти вести в Усмань, после чего местное население отказалось подчиняться воеводе. Приказы и распоряжения Челищева почти не выполнялись, обстановка сложилась такая, словно в городе вообще не было воеводы. Все текущие вопросы жители решали самостоятельно.

Подьячие отказывались работать с воеводой, поэтому ему долго не удавалось написать в столицу о создавшемся положении. Переписка с Разрядным приказом требовала знания строгих правил и норм написания, соблюдения всех формальностей в изложении. Все же воеводе как-то удалось написать в Москву своему знакомому, дьяку Гавриневу. Недоумевая, Челищев жаловался в Москву о том, что усманцы все делают "лениво и худо и огуляются". Челищев также просил прислать ему подьячего для оформления бумаг, и уже 12 мая в город приехал новый помощник воеводы. Однако местные подьячие Герасим Камбалов и Любим Матвеев отказались передать ему дела. Воевода угрожал усманцам царской опалой. В ответ на угрозы подьячие вместе со всеми документами уехали из города в деревню Ивницу в Воронежском уезде. Вскоре к ним присоединились еще несколько служилых людей. Теперь усманцы для решения своих дел ездили в деревню, в которой решались обычные бюрократические дела. Сами подьячие спокойно приезжали в Усмань, выполняя свои обязанности в обход воеводы.

Однако усманцы не были единодушны в игнорировании воеводы. Часть местного общества тяготилась двоевластием, понимая незаконность таких действий, другие опасались возможных наказаний со стороны властей. Челищева поддерживали некоторые представители дворянской служилой верхушки. В конце концов было решено назначить общее собрание ("всем городом") для обсуждения ситуации.

Оно состоялось 9 июня возле приказной избы, при участии явившихся из уезда помещиков и служилых людей из слобод города. Группа недовольных усманцев предложила написать коллективную челобитную и отвезти ее царю. После этого к собравшимся вышел Челищев, который обвинил народ в воровстве и разжигании бунта. Воеводу поддерживали влиятельные представители дворян. В итоге разгорелся шумный спор, служилые люди кинулись бить воеводу, но тот сбежал и заперся в приказной избе. После этого усманцы решили написать челобитную, в которой упрекали воеводу в "нерадении" о государственных делах, утверждая, что тот окружил себя "шилниками и ушниками".

После собрания 9 июня воевода окончательно потерял авторитет у населения. Усманцы все дела стали решать самостоятельно. Даже когда 18 июня появились сведения о набеге татар, усманцы отказались слушать приказы Челищева и отвечали бранью. Оскорбленный таким отношением воевода решил принять меры. Он сумел найти поддержку у некоторых служилых людей, казачьих есаулов и командиров среднего звена. По его приказу 23 июня они арестовали нескольких наиболее активных мятежников. Однако толпа освободила арестантов, конвоиры были избиты, а затем люди кинулись к воеводе. Но находившиеся в городе данковские и лебедянские служилые люди по просьбе Челищева окружили приказную избу и не пустили

людей внутрь.

После этого случая Челищев написал просьбу перевести его в другой город. 11 июля 1650 г. ему на смену приехал новый воевода, М. М. Волконский. Напрасно жители города ждали решения по своей челобитной: как оказалась, она "затерялась" в Разрядном приказе. Волконский провел в Усмани сыск по делу о мятеже, но вина жителей не была доказана. Значит, косвенно их претензии были признаны обоснованными. Карьера Челищева успешно продолжи-

стр. 62

лась: в 1651 г. он был отправлен гонцом в Швецию, а затем служил воеводой в северных городах.

В рассмотренных нескольких наиболее показательных делах, связанных с народными волнениями, заметно много общего. Колонизация южнорусского пограничья сопровождалась социально-политической борьбой в городах-крепостях, в которую были втянуты местная власть, служилые люди, а также украинское население.

Причина противостояний воеводы и местного общества сводилась почти всегда к условиям исполнения служебных обязанностей. В первой половине XVII в. служилые люди заселили наиболее опасные места степного пограничья. Поскольку городов здесь было мало, население в уездах привыкало к самостоятельности в борьбе с врагом и решении различного рода проблем. В 1630-е годы, когда на южных рубежах России постоянно вспыхивала "большая война", местное население проявило самостоятельность в борьбе с татарами. 9 августа 1632 г. татары в очередной раз вторглись в Ливенский уезд. Воевода Колтовский, зная о приходе татар, велел всем жителям срочно вернуться в город. Но многие ливенцы предпочли оборонять свои села и деревни самостоятельно. Другие ушли в леса и, выслеживая татар, нападали на вражеские разъезды. В селах и деревнях возводили небольшие временные укрепления, "острожки", чтобы дать врагу отпор. Когда лебедянский воевода И. Скорняков-Писарев в том же году потребовал от жителей уезда явиться в город для того, чтобы укрыться от татар, они отказались, ссылаясь на то, что врага не боятся и будут сами оборонять свои деревни. Многие укрепляли свои дворы так, что каждый из них превращался в некую крепость. Показателен ответ жителей села Доброе городище (будущий город Добрый) воеводе: "В осаду мы не пойдем, у нас есть свой острожек"²⁴.

В 1640-е годы, когда создавались пограничные города и крепости, местное общество должно было принять новый порядок, основанный не столько на взаимодействии с воеводой, сколько на прямом ему подчинении. Эта перемена также была связана с бюрократизацией государственного аппарата. Наблюдалась борьба двух политических культур, старой и новой. Новая бюрократическая и абсолютистская культура управления требовала полного подчинения местного общества, тогда как прежняя была основана на земских, выборных началах, на идее активного участия населения в управлении, и в то же время на патерналистских взглядах служилых людей на верховную власть. Сказывалась и традиционная самостоятельность местного населения в решении военных и хозяйственных задач.

Новая культура правящих кругов была основана на абсолютистских тенденциях и бюрократизации. Она появилась и выросла во время правления Михаила Федоровича, создавая принципиально иные условия общественного порядка, отвечавшие развитию абсолютизма в России. Борьба этих культур проходила в разных регионах по-разному и развивалась в зависимости от местных социально-экономических условий.

Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ, проект N 13 - 11 - 48001.

1. БАГАЛЕЙ Д. И. К истории заселения и хозяйственного быта Воронежского и Курского края. Отзыв об исследовании И. Н. Миклашевского "К истории хозяйственного быта Московского государства". СПб. 1896; МИКЛАШЕВСКИЙ И. Н. К истории хозяйственного быта Московского государства. М. 1894.

2. ТХОРЖЕВСКИЙ С. И. Народные волнения при первых Романовых. М. 1924; ФИРСОВ Н. Н. Крестьянская революция на Руси в XVII в. М. 1927; НОВИЦКИЙ Г. А. Восстание в

стр. 63

Курске в 1648 г. - Историк-марксист, 1934, кн. 6; ТИХОМИРОВ М. Н. Содержание "Сборника материалов по истории классовой борьбы на юге русского государства в первой половине XVII в.". В кн.: Классовая борьба в России. XVII в. М. 1969, с. 398 - 406; БАЗИЛЕВИЧ К. В. Из истории городских восстаний XVII в. - Книга и пролетарская революция, 1936, N 6; СМЕРНОВ П. П. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в. Т. 1 - 2. М. -Л. 1947.

3. ЗАГОРОВСКИЙ В. П. Белгородская черта. Воронеж. 1968.

4. ЧИСТЯКОВА Е. В. Городские восстания в России в первой половине XVII в. Воронеж. 1975.

5. ГЛАЗЬЕВ В. Н. Власть и общество на Юге России в XVII в. Воронеж. 2001.

6. МИЗИС Ю. А. Воевода Московского царства (Р. Ф. Боборыкин на государственной службе). Тамбов. 2012.

7. KIVELSON A.V. The Devil stole his mind: The Tsar and the 1648 Moscow uprising. - The American Historical Review, Vol. 98, N 3 (June, 1993), p. 733.

8. DEVIES L.B. State power and community in Early Modern Russia. The case of Kozlov, 1635-1649. N.Y. 2004.

9. НОВОСЕЛЬСКИЙ А. А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М. -Л. 1948, с. 310.

10. Российский государственный архив древних актов (РГАДА), ф. 210, д. 275, л. 63 - 70, 186, 188, 191, 231 и др.

11. Там же, л. 26 - 28.

12. Там же, д. 122, л. 1 - 5.

13. Там же, д. 327, л. 36 - 38.

14. ПЯСЕЦКИЙ Г. Исторические очерки города Ливен и его уезда в политическом, статистическом и церковном отношении. Орел. 1999, с. 122.

15. РГАДА, Ф- 210, оп. 1, д. 275, л. 36 - 38.

16. Там же, л. 38.

17. Там же, л. 332 - 341.

18. Там же, д. 275, л. 21.

19. Там же, л. 221.

20. Там же, л. 5 - 22.

21. Там же, д. 273, л. 646 - 657.

22. Там же, оп. 13, д. 273, л. 1180 - 1263.

23. Там же, д. 296, л. 84 - 118, 150 - 151.

24. НОВОСЕЛЬСКИЙ А. А. Ук. соч., с. 210 - 222.